Supplementary Material to Rob Marland, Olga M. Valova, & Tatyana V. Shcherbakova (2025) ‘A memoir of Oscar Wilde by Robert Ross’, *The Wildean* 66.

The material includes a transcript of the Russian text of Robert Ross’s article for *Morning of Russia*, an English translation of which appears in our paper for *The Wildean*. A scrapbook compiled by Ross and now held at the British Library (Add MS 81824) includes this and other articles about Ross’s visit to Moscow. We transcribe these articles and provide annotated English translations of the same. Transcriptions are rendered in modern Russian.

Росс Р. Несколько воспоминаний об Оскаре Уайльде. (Статья, специально написанная для «Утра России») // Росс Р. Несколько воспоминаний об Оскаре Уайльде // Утро Россiи. 1913. 8 сент. С. 2.

Ясно помню, точно это было только вчера, как я сидел в теплый мартовский день, тринадцать лет тому назад, на траве в саду виллы Дориа Памфилиа в Риме. Словно мыльный пузырь, выпущенный ребенком исполином, над огромной массой барокккской архитектуры, что представляет собой дворец папы, поднимался к нему силуэт собора св. Петра. С этого места остальной город не виден, или, правильнее, в те годы не был виден: тогда фон составляли только зеленые поля и красная стена Аврелия. Теперь, наверное, все покрыто фабричными трубами, и памятники современного прогресса скрыли один из красивейших видов в Италии. Я был впервые в Риме, и сидевший со мною рядом на траве друг сказал:

– Вам больше нечего видеть в Риме, – вот вся его история, все его очарование, весь его символизм и все его недостатки.

Я ответил довольно прозаично, что все-таки намерен осмотреть Ватикан.

– Это очень опасно, – сказал он серьезно. – Вам придется при входе отдать на хранение свою палку.

– Ну так что же? – спросил я, улыбаясь. – Почему?

– Видите ли, с тех пор, как Тангейзер посетил Рим, все входящие в папские хоромы должны оставлять свои палки в швейцарской, так как приближенные папы боятся, как бы один из этих посохов не зацвёл снова цветами. Папа ведь всем прощает, а папские приближённые никому ничего не прощают, даже тем людям, которые никогда в жизни не грешили. И с тех, пор, как я сюда приехал, меня мой зонтик страшно беспокоит.

Он расхохотался и прибавил уже совершенно серьезно:

Существует во всей Европе только одна ещё группа зданий, которая имеет такое же значение и, такую же ценность, как собор св. Петра и Ватикан, которая имеет такую же историю, такую же красоту, такое же очарование; но, увы, мы, или, но крайней мере, я, никогда не увидим их иначе как во сне…

Наступила пауза, мы оба умолкли. Я посмотрел на него вопросительно.

– Я говорю о московском Кремле. Прекрасные здания, как вы, наверное, замечали, всегда носили красивые имена. Вот вы, Робби, некрасивы, потому что и имя ваше некрасивое, обыкновенное. Помню, юношей я у Россети** познакомился с Тургеневым, которого тогда чествовали в Англии, и я, кажется, обидел великого русского писателя, спросив почему он не озаглавил какой-нибудь из романов «Кремль», хотя бы просто потому, что слово это так прекрасно звучит. Россети был в восторге, хотя, кажется, Тургенев счёл меня ломакой. Но, ведь, одно это слово «Кремль» вызывает перед глазами образы фантастических башен, облекающих тихий застывший воздух в форму и краски; образы золотых куполов, качающихся над храмами часть которых в

* Данте Габриэль Россети – известный английский поэт и художник-прерафаэлит.

действительности они составляют. В вибрирующей музыке слова «Кремль» можно видеть огромные иконы, тускло сверкающие в насыщенной благовонным дымом мгле и строгих, торжественных русских священников в вышитых золотом ризах и странных осыпанных драгоценными камнями митрах; священников, входящих и выходящих из скрытых золотыми решетками алтарей, великолепие которых заставляет тускнеть пламя свечей, несомых прислужниками… Воины великой армии Наполеона словно крестоносцы опустились на колени, когда они впервые увидали священный русский город…

И собор св. Петра словно дворец Алладина на мгновение исчез передо мной. Сквозь густую зеленую листву деревьев я увидал картину того, что я никогда не видал, и не увидал в действительности до вчерашнего дня.

Слова Оскара Уайльда, т. к. это говорил он, – так часто облекали все в кровь и плоть и материю: слушая его, бывало забудешь, что он говорит. Он как-то умел гипнотизировать своей речью и заставить видеть. Но тут же мягкий серебристый смех вернул меня из далекой и неведомой России, куда унес меня его чудодействующий голос. И теперь, когда я, наконец, в Москве и воочию вижу Кремль, я снова возвращаюсь воспоминаниями к этому ясному мартовскому дню в Риме.

Редакция «Утра России» просила меня поделиться несколькими воспоминаниями о моем друге. К сожалению, я не писатель, а только сухой эксперт картин, и поэтому не могу исполнить эту просьбу так, чтобы это было достойно и темы, и газеты, которая оказала мне честь своим приглашением.

Но я постарался передать наиболее яркое воспоминание, которое во мне пробудила Москва.

Оскар Уайльд весной 1900 г. проводил со мной четыре недели в Риме перед тем, как предпринять с некоторыми друзьями поездку в Сицилию. Он был в прекрасном настроении: денежные затруднения были на некоторое время устранены. Но здоровье его было сильно расшатано и с каждым днем ухудшалось. Уже прошло три года с тех пор, как его выпустили из тюрьмы, и все повторяющиеся симптомы недуга, от которого он умер, начали становиться угрожающими. Я его в Риме же свел к врачу, и тот меня предупредил, что он долго не проживет. Когда мы снова встретились в Париже, в июле, я заметил, что он значительно изменился к худшему. Уайльд острее чувствовал и страдал от того, что он больше не в состоянии писать, чем от преследующих его безденежья и социального остракизма. «Баллада Рэдингской тюрьмы» была написана вскоре после его освобождения в 1897 г. С тех пор прошло три года, и он не написал ни строки. Правда, он все еще мог рассказывать в своей неподражаемой манере и не переставал сочинять и придумывать бесчисленный ряд пьес и рассказов, но ни одного из этих произведений он не был в состоянии написать. Утешение, которое он искал в вине, и воспоминание о разразившейся над ним катастрофе как будто парализовали его мозг. Кроме того, он нуждался в возбудительном импульсе общего признания и популярности. Он был актер по натуре, а актер не может играть на пустынном остров без зрителей. Помню, он когда-то говорил мне, что публика, это – инструмент, на

котором играет драматург. В былые дни он презирал свой инструмент, и теперь, когда он был сломан, он сознавал, что его искусство (драматурга) ему уже не нужно. Признание и одобрение немногих незаметных друзей вроде меня его не удовлетворяло. Ему были необходимы, или ему казалось, что необходимы, признание и рукоплескания английского «света». Хотя он очень ценил и гордился дружбой и верностью Франка Гарриса, –единственный английский выдающийся писатель, который не отвернулся от него, – этого было недостаточно для его интеллектуального и социального тщеславия. Он никогда не уважал английское литературное общество – к своим современникам из английских писателей он всегда чувствовал и проявлял открытое и, быть может, заслуженное презрение. Он шокировал и оттолкнул от себя старших и переживших его писателей, вроде Рёскина, Суинберна, Мередита, Томаса Гарди и Генри Джеймса. Разоблачения 1895-го года напугали более молодых, начинающих писателей, которые, за немногими благородными исключениями, почти убегали от него, когда они встречались с ним в Париж. И хотя ничто не могло превзойти любезности и предупредительности французских писателей к Уайльду после его падения, все же он не мог не сознавать, что все это делалось из простой жалости к нему: многие навещали его только тайком. А о тех, которые открыто и смело приветствовали его в публичных местах, он, быть может, несправедливо думал, что они это делают из подчеркнутого рыцарства и ради протеста против английского лицемерия и предрассудков. Все же позволяю себе с глубочайшей признательностью отметить бесконечную доброту и благородство Андрэ Жида, Октава Мирбо, Поля Фора, Эрнеста Ла-Женеса, Анри Даврэ, художника ка Фритца Таулоу и некоторых других. Но хотя они, может быть, лично любили Уайльда и их забавляли его остроумная беседа и рассказы, они не знали его произведений, а т, что прочитали его книги, далеко не были в восторге от них. Многие из них мне сознались в этом после его смерти. Несмотря на многие смелые и благородные попытки, Уайльд, как писатель, остается и по сей день менее признанным во Франции, чем в других странах.

Имя Таулоу напомнило мне забавный инцидент. Жена художника, известная своей красотой, широко раскрыла двери своего дома в Дьеппе Оскару Уайльду, как только его выпустили из тюрьмы. С поразительным тактом и деликатностью, желая доказать, насколько она ему доверяет, она всегда старалась посадить с ним рядом за столом своего сына, очень красивого юношу. Она очень любила всякие литературные споры и всегда наслаждалась беседой своего гостя. Раз как-то зашел разговор о драме Ибсена «Джон Габриэль Боркман». Уайльд горячо отстаивал драму, г-жа Таулоу была склонна отнестись к ней критически. В пылу спора она забыла о том, что Уайльд недавно пережил и сказала: «Дорогой monsieur Oscar, если бы вы когда-либо были в тюрьме, вы бы знали, что вся психология неверна». Оскар Уайльд прямо покатился от хохота, к которому присоединились все остальные собеседники, кроме растерявшейся г-жи Таулоу: Уайльд всего десять дней, как был выпущен из Рэдингской тюрьмы…

В течение 1900 года, во время всемирной выставки, Париж кишмя-кишел англичанами и американцами. Многие бывшие друзья Уайльда встречались с ним и

делали вид, что его не замечают в ресторанах, кафе и театрах. Некоторые из них потом довольно бестактно письменно извинялись перед ним, а другие приглашали его в маломодные и непосещаемые рестораны, где никто бы не мог видеть их в его обществе. Уайльд большей частью отвечал на эти приглашения презрительным отказом, или же писал: «Я буду у Paillard'а, или в Cafe Anglais и буду рад если вы со мной там позавтракаете». И некоторые из этих знакомых набрались храбрости и решались шокировать англо-саксонское общество и показаться с Уайльдом за одним столом. Уайльд часто в таких случаях тратил в один вечер почти всё своё месячное содержание, чтобы приготовить им пышный пир, а иногда и преподнести им горький урок. Чопорного английского гостя Уайльд в таких случаях знакомил с какой-нибудь тёмной личностью с бульваров, которая была куда более компрометирующей, чем он сам. Он привёл раз в ужас известного американского писателя, представив ему одного типа: «Mon ami Edmond, un pauvre assassin» («Мой друг Эдмонд, бедный убийца»). Потом сели за стол, один лишь Уайльд из трех завтракающих не испытывал неловкости. Но американец не мог выдержать, когда Уайльд достал из бокового кармана длинный острый нож, говоря: «Не правда ли, как неосторожно было со стороны моего друга оставить этот нож вчера вечером в моем номере. Он мог попасть в руки полиции». Американец пулей вылетел из ресторана.

16-го октября того же 1900-го года Уайльд подвергся небольшой операция, не имевшей прямого отношения к его недугу. На следующий день после операции, когда хирург менял перевязку, и спросил Уайльда, не нужно ли ему чего-нибудь.

– Нет, спасибо, а и так умираю слишком роскошно, не но средствам! Он впрочем, ясно не сознавал, что умирает, хотя всегда любил повторить:

«Я никогда не переживу девятнадцатого века! Англичане этого никогда не допустят. Они не могут мне простить то, что я наслаждаюсь жизнью, и себе то, что они видели, как я наслаждаюсь: французы же не могут простить мне, что я испортил им выставку и разогнал всех англичан и американцев».

Он, бывало, так весело болтал и шутил и потом вдруг впадал в лёгкую истерию. Меня внезапно отозвала в Ниццу болезнь моей матери. Это было 16 ноября. Уайльд был расстроен, что я его покидаю, хотя около него в то время было еще несколько общих друзей. Вечером накануне моего отъезда он окончательно пал духом: – «Я вас больше никогда не увижу, а вы – единственный друг, который будет искренно скорбеть обо мне. Вы всегда говорили, что я бессердечен, и что не люблю никого, кроме самого себя. Может быть, вы и правы. Но я знаю, что вы любите меня больше, чем кто-либо. Для моих остальных друзей я – непосильное бремя и неразрешённая задача. Но вы сделали меня вашим собственным распятием и вы не можете оставить этот крест».

Хотя я был беспредельно растроган и тронут, но умирал другой близкий для меня человек, и я должен был уехать. Я вернулся в Париж 29-го ноября, получив телеграмму, что Уайльду очень плохо. Он накануне просил, чтобы меня вызвали. Он уже не мог говорит, когда я вошел в комнату с католическим патером из ордена братства Страстей Господних. Но он приветствовал меня слабым пожатием руки, показав, что узнал меня.

Я сказал ему, что исполнил старое обещание и привел ему католического священника. Он был тут же принят в лоно католической церкви, окроплен и удостоился помазания, но он был слишком болен, чтобы приобщиться св. Тайнам. Он потерял сознание через два часа и больше не приходил в себя. Умер он на следующий день, 30-го ноября 1900 года, в 2 часа дня, в присутствии хозяев отеля, Реджинальда Тёрнера* и меня.

По странному стечению обстоятельств Тёрнер и я были единственными друзьями, которые присутствовали при его аресте 5 апреля 1895 года.

Robert Ross
Москва, 5 (18) сентября 1913 г.

* Довольно известный английский романист

УТРО РОССИИ
8-сентября 1913 г.
Роберт Росс, известный английский художественный эксперт - критик, друг Оскара Уайльда. Г. Робертъ Росс в настоящее время гостит в Москве. По просьбе редакции он любезно предоставил в наше распоряжение свои воспоминания об Оскаре Уайльде. Воспоминания эти помещаются в настоящем № „Утра России“.

MORNING OF RUSSIA
8 September 1913
Robert Ross, the famous English art expert – critic, friend of Oscar Wilde. Mr. Robert Ross is currently visiting Moscow. At the request of the editors, he kindly put at our disposal his memories of Oscar Wilde. These memories are published in the present issue of *Morning of Russia*.

РУССКОЕ СЛОВО

Роберт Росс.

Вчера приехал из-за границы в Москву мистер Роберт Росс, ближайший друг и душеприказчик Оскара Уайльда.

Мистер Росс впервые в России, которой он живо заинтересован въ виду внимания, проявляемого русскими читателями к сочинениямъ и личности покойного Оскара Уайльда.

Мистер Росс в настоящее время числится в Англии главным художественным экспертом при Соммерсет-Холле—судебной палате, ведающей делами наследства.

Обязанности мистера Росса заключаются в оценке родовых картинных галерей для взимания с них наследственных пошлин.

Мистер Росс интересуется русским искусством, особенно иконописью и иконографией.

Он рассчитывает ознакомиться с московскими музеями, храмами и частными собраниями художественных произведений старины.

У самого мистера Росса, в его английском музее, посвященном Оскару Уайльду, собраны все русские издания сочинений писателя, а также вышедшие в России очерки и монографии о нем.

RUSSIAN WORD

Robert Ross.

Yesterday Mr. Robert Ross, Oscar Wilde’s closest friend and executor, arrived in Moscow from abroad.

Mr. Ross is in Russia for the first time, and is keenly interested in the attention shown by Russian readers to the works and personality of the late Oscar Wilde.

In England Mr. Ross is currently considered the chief art expert at Somerset House, the court in charge of inheritance matters.

Mr. Ross’s duties consist of valuing family art collections so that inheritance duties can be collected on them.

Mr. Ross is interested in Russian art, especially icon painting and iconography.

He hopes to become acquainted with Moscow’s museums, churches, and private collections of artistic antiquities.

Mr. Ross has himself, in his English collection dedicated to Oscar Wilde, collected all the Russian editions of the writer’s works, as well as essays and monographs about him published in Russia.

Приезд Роберта Росса. Вчера вечером с поездом-люкс Александровской железной дороги прибыл в Москву м-р Роберт Росс, известный русским читателям по книге Оскара Уайльда «De Profundis», в которой он неоднократно упоминается («Робби»). М-р Росс был ближайшим другом покойного английского писателя и единственный, который не покинул его во время разразившейся над ним катастрофой. М-р Росс в настоящее время видный художественный критик «Таймса», а также занимает высокий официальный пост главного художественного эксперта при «Somerset House» (высшей судебной инстанции по утверждению духовных завещаний). Цель его приезда ознакомиться с Москвой, которая его давно интересует и где у него имеются друзья.

Arrival of Robert Ross. Yesterday evening, Mr. Robert Ross, known to Russian readers from Oscar Wilde's book *De Profundis,* in which he is mentioned several times ('Robbie'), arrived in Moscow on the luxury train of the Alexander Railway. Mr. Ross was the closest friend of the late English writer and the only one who did not desert him during the catastrophe that befell him.[1] Mr. Ross is currently a prominent art critic for *The Times,* and also holds the high official position of Chief Art Examiner at Somerset House (the highest court of authority for the approval of wills). The purpose of his visit is to get acquainted with Moscow, which has long interested him and where he has friends.

РУССКОЕ СЛОВО

Оскар Уайлд.

(Беседа с Робертом Россом).

Друг и душеприказчик Оскара Уайльда, мистер Роберт Росс, как и все иностранцы, впервые прибывающие в Москву, поражены красотой древней русской столицы.

— Москва—город красоты и чудес,—сказал мистер Росс нашему сотруднику.— Здесь все—очарование.

Мистер Росс прибыл в Россию со специальной целью—познакомиться ближе с памятниками русского искусства.

— Я, — говорит он, — был в кремлевских соборах. Впечатление от них непередаваемое.

Русские—баловни красоты.

Теперь я понимаю успех Уайльда в России. Люди, воспитанные в красоте, не могут не чувствовать её в других.

Впрочем,—говорит Росс,—увлечение Уайльдом теперь уже наблюдается во всех странах Старого и Нового Света.

Туристы всех национальностей,—русские, французы, немцы, итальянцы, испанцы, португальцы, американцы,—посещают в бесчисленном множестве маленький Рединг, в тюрьме которого томился писатель.

Туристы просят показывать им камеру, в которой отбывал наказание Уайльд, где родились замыслы гениальнейших его произведений — «Баллады редингской тюрьмы» и «De profundis».

Кстати.

Последнее произведение опубликовано не полностью.

Две трети рукописи «De profundis», в виду целого ряда заметок и воспоминаний о лицах, которые до сих пор еще живы, могли бы произвести в печати впечатление слишком сильное.

Я, как душеприказчик, тотчас же после смерти Уайльда, издав одну часть «De profundis», задержал печатание других и решил страницы, полные горечи и яда, не выпускать в свет ранее 1960 года.

Однако, теперь я уже склонен изменить свое решение, и возможно, что часть этого произведения будет опубликована в ближайшие годы.

Продолжаю об увлечении Уайльдом.

Какой успех имеют реликвии, так или иначе касающиеся Уайльда.

В прошлом году, например, на распродаже библиотеки Браунинга в Лондоне книги английских писателей с автографами их авторов котировались по очень высокой цене, но рекордная сумма была уплачена за сборник стихов Уайльда с его подписью.

В Лондоне у сэра Вальтера Леджера имеется частный музей, посвященный памяти Уайльда.

Такой же музей собран мистером Глендзиром, который хранит его в Америке.

В Англии после сенсационного процесса Уайльда до 1905 года нельзя было даже произносить его имени.

Все общество отвернулось от писателя. Его произведения отказывались ставить на английской сцене.

Но с 1906 года об Уайльде вспомнили и заговорили с новой силой и любовью.

Теперь рукописи его произведений хранятся в Британском музее.

Однако, официальная Англия все еще не примирилась с Уайльдом.

Когда в прошлом году Национальной портретной галерее, в которой хранятся портреты всех знаменитых людей Англии, мною был предложен в дар изумительный портрет Уайльда, работы художника Пеннингтона, ученика Уитлера, то я получил вежливый отказ.

Частная переписка Уайльда не систематизирована и не издана.

Кроме того, еще при жизни писателя у него были похищены три его произведения: драма «Святая куртизанка», дополненная версия рассказа «Портрет мистера W. H.» и версия «флорентинской трагедии». Впрочем, черновик последней удалось отыскать.

В будущем году исполняется 60-летие со дня рождения Оскара Уайльда.

К этому времени не будет приурочено никаких торжеств ни в Англии, ни в Париже,—городе, который так любил писатель и где он погребен на кладбище Père-Lachaise.

Между прочим, во Франции идет страшная шумиха вокруг памятника, поставленного

на могиле Уайльда.

Когда в 1909 году прах писателя был перевезен из Баннье на кладбище Père-Lachaise, друзья его решили поставить над могилой памятник.

Монумент, в виде взлетающего крылатого гения, был заказан парижскому скульптору Эпштейну и исполнен им.

Префект Сены, находя памятник слишком реалистичным, не разрешил открыть его в том виде, в каком он вышел из мастерской скульптора.

Желательные префекту дополнения и изменения были сделаны.

Вышло аляповато.

Префект потребовал еще дополнительных изменений.

Автор памятника на это не согласился.

Возможно, что памятник придется с могилы Уайльда убрать и поставить вместо него другой.

Мистер Роберт Росс был вчера в театре Незлобина.

В понедельник он поедет в Троице-Сергиеву Лавру.

Остальные восемь дней своего пребывания в Москве намерен посвятить Третьяковской галерее и музеям.

На обратном пути в Англию мистер Росс посетит Петербург.

Мистер Росс состоит художественным критиком «Times».

RUSSIAN WORD

Oscar Wilde.

(Conversation with Robert Ross).

Oscar Wilde's friend and executor, Mr. Robert Ross, like all foreigners arriving in Moscow for the first time, is amazed by the beauty of the ancient Russian capital.

'Moscow is a city of beauty and wonders', said Mr. Ross to our representative. 'Everything here is fascinating.'

Mr. Ross has come to Russia with the special purpose of better acquainting himself with the monuments of Russian art.

'I have been to the Kremlin cathedrals', he says. 'The impression they leave is indescribable.

'Russians are spoilt by beauty.

'Now I understand Wilde's success in Russia. People brought up amongst beauty cannot help but sense it in others.

'However', says Ross, 'passion for Wilde is now observed in all countries of the Old and New Worlds.

'Tourists of all nationalities – Russians, French, Germans, Italians, Spaniards, Portuguese, Americans – visit in countless numbers little Reading, and the prison where the writer languished.

'Tourists ask to be shown the cell in which Wilde served his sentence, where the plans for his most brilliant works – *The Ballad of Reading Gaol* and *De Profundis* – were born.[2]

'By the way.

'The last work has not been published in full.

'Two-thirds of the manuscript of *De Profundis*, in view of a whole series of comments on and reminiscences of persons who are still alive, could make too strong an impression in the press.

'I, as executor, immediately after Wilde's death, having published one part of *De Profundis,* delayed the printing of another part and decided not to publish pages full of bitterness and poison until 1960.[3]

'However, I am now inclined to change my mind, and it is possible that part of this work will be published in the coming years.[4]

'The passion for Wilde continues.

'Relics relating to Wilde are very popular and desirable.

'Last year, for example, at the sale of Browning's library in London, books by English writers with the autographs of their authors were quoted at very high prices, but a record sum was paid for a collection of poems by Wilde with his signature.[5]

'In London, Sir [*sic*] Walter Ledger has a private collection dedicated to the memory of Wilde.[6]

'A similar collection has been amassed by Mr. Glaenzer, who keeps it in America.[7]

'In England, after Wilde's sensational trial, it was impossible to even pronounce his name until 1905.

‘The whole of society turned its back on the writer. His works were refused to be produced on the English stage.[8]

‘But since 1906 Wilde has been remembered and talked about with renewed vigour and love.

‘Now the manuscripts of his works are kept in the British Museum.

‘However, the English establishment has still not reconciled with Wilde.

‘When, last year, I offered the National Portrait Gallery, which houses portraits of all the famous people of England, a gift of an amazing portrait of Wilde by the artist Pennington, a student of Whistler, I received a polite refusal.[9]

‘Wilde’s private correspondence has not been organised or published.

‘In addition, during the writer’s lifetime, three of his works were stolen from him: the drama *La Sainte Courtisane*, an expanded version of the story ‘The Portrait of Mr. W. H.’ and a version of *A Florentine Tragedy*.[10] However, the draft of the latter was found.

‘Next year marks the 60th anniversary of the birth of Oscar Wilde.

‘At this time, no celebrations have been planned either in England or in Paris, the city that the writer loved so much and where he is buried in the Père Lachaise Cemetery.

‘By the way, in France there is a terrible fuss about the monument erected on Wilde’s grave.

‘When the writer’s remains were transported from Bagneux to the Père Lachaise Cemetery in 1909, his friends decided to erect a monument over the grave.

‘The monument, in the form of a flying winged genius, was commissioned of the Parisian [*sic*] sculptor Epstein and executed by him.

‘The Prefect of Seine, finding the monument too realistic, did not allow it to be unveiled in the form in which it left the sculptor’s workshop.

‘The additions and changes desired by the prefect were made.

‘The results were rather clumsy.

‘The prefect demanded even more changes.

‘The author of the monument did not agree to these.

‘It is possible that the monument will have to be removed from Wilde’s grave and another one put in its place.’[11]

———

Mr. Robert Ross was at the Nezlobin Theatre yesterday.

On Monday he will visit the Trinity Lavra of St. Sergius.

‘I intend to devote the remaining eight days of my stay in Moscow to the Tretyakov Gallery and museums.’

On his way back to England, Mr. Ross will visit St. Petersburg.[12]

Mr. Ross is the art critic of *The Times*.

NOTES

1. This is incorrect. Reginald Turner was also present when Wilde died. The journalist may have been in error, or Ross may have supplied false information.
2. Wilde did not 'plan' the manuscript that Ross would publish in abridged form in 1905 as *De Profundis* while in Reading Prison: he wrote it there.
3. Ross's 1908 edition of *De Profundis* included more text than his 1905 edition. Ross deposited the manuscript at the British Museum Library (now the British Library, Add MS 50141A), specifying that it not be made publically accessible until 1960, by which point all persons mentioned in it could be presumed to be dead.
4. Extracts of the suppressed portion of *De Profundis* were read at the hearing of the libel action Douglas v. Ransome on 17 and 18 April 1913 and afterwards published in the London papers. The suppressed portion of *De Profundis* was published in New York by Paul R. Reynolds on 22 September 1913 (during Ross's trip to Russia). The title page includes the text: 'Now for the first time published by his [Wilde's] literary executor Robert Ross'. Only sixteen copies were printed, the purpose of the edition being to secure the American copyright. A large part of the suppressed portion was published as an appendix in Harris, 552–75. For more information see Wilde (2005) *The Complete Works of Oscar Wilde, Vol. 3: The Picture of Dorian Gray: The 1890 and 1891 Texts*, ed. Joseph Bristow, Oxford: Oxford University Press, 27, n. 31.
5. The library of the English poet Robert Browning (1812–1889) was sold at Sotheby's in London in a six-day sale commencing on 1 May 1913. The bookseller Bernard Quaritch purchased an inscribed presentation copy of Wilde's *Poems* (1881) with its accompanying letter for £76 ('The Browning Collection', *The Scotsman* [Edinburgh, UK], 8 May 1913, 11). The copy is now held at the British Library (Eccles 242).
6. Walter Edwin Ledger (1862–1931). His Wilde collection is now held at the Library of University College, Oxford, as the Robert Ross Memorial Collection. He did not have the title of 'Sir'.
7. Richard Butler Glaenzer (1876–1937). He had sold much of his Wilde collection at the Anderson Galleries, New York, on 28 November 1911.
8. Michael Seeney has shown that this was untrue. Wilde's plays were produced regularly in the years following his downfall, though mostly in provincial theatres. See Michael Seeney (2015) *From Bow Street to the Ritz: Oscar Wilde's Theatrical Career from 1895 to 1908*, High Wycombe: Rivendale.
9. The portrait by Harper Pennington was once displayed in Wilde's drawing room. It later came into the possession of the American collector Harrison Post, who gave it to his lover William Andrews Clark Jr. It has been in the possession of the Clark Library, Los Angeles, since 1934. https://newsroom.ucla.edu/stories/ucla-s-rarely-seen-oscar-wilde-portrait-to-be-exhibited-at-london-s-tate-gallery Accessed 16 April 2024

10. Ross elsewhere claimed that Wilde’s works had been stolen: see e.g. the introduction to Oscar Wilde (1908) *The Collected Works of Oscar Wilde: The Duchess of Padua*, London: Methuen.
11. The monument on Wilde’s grave was sculpted by the Anglo-American artist Jacob Epstein (1880–1959). The controversy was over the penis and testicles of the figure on the monument. Epstein refused to remove these, and instead Ross had a plaque modelled to obscure them. The monument was covered with a tarpaulin between 1912 and 1914. This was later removed without fanfare. For more information on the design of the monument and on the controversy, see Simon Wilson (2020) *Jacob Epstein’s Studies for the Tomb of Oscar Wilde*, London: The Sign of Nine.
12. Ross did not visit St Petersburg.